

К тому же, поставив Шарова на командную должность ещё в Харькове, Антонов-Овсеенко не хотел разочаровываться в нём и тем признать ошибочность своего выбора.

Так или иначе, но добровольцев оставили в покое. Некоторые принятые Антоновым-Овсеенко меры решительностью не отличались и носили чисто вспомогательный характер. Сиверсу было дано указание силами подошедшего Макеевского отряда⁵⁴ (250 штыков при 5-ти орудиях и 25-ти пулемётах), вновь организованного Таганрогского сводного отряда (200 штыков, 4 пулемёта) и 3-го Латышского стрелкового полка занять и взять под охрану участок железной дороги от Ростова до Тихорецкой, имея в виду в том числе и противодействие прорыву добровольцев на Кубань с этого направления. Туда же направлялись переподчинённые Сиверсу два батальона 153-го Бакинского полка, выразившие желание продолжить службу, а также одна из батарей 39-й пехотной дивизии.

Автономову же Антонов-Овсеенко 15(28) февраля приказывал: «Тов. Автономову. Командующему Юго-Восточной армией. Командование над революционными частями, действующими в районе Сосыка-Ейская, мною передано тов. Сиверсу. Вы отправьтесь в Тихорецкую и далее, где нужно, для организации района Великокняжеская – Тихорецкая – Ставрополь, для подготовки наступления на Екатеринодар».

Сам же Антонов-Овсеенко к этому времени всё своё вни-

Конотопский совет создал комиссию, пытавшуюся бороться «с безобразиями его отрядов», но Шаровым она была разогнана. Дело дошло до того, что Е. Бош предложила Шарову «заниматься не советами, а белой гвардией».

Боевая деятельность сводилась, в основном, к передаче подчинённым ему командирам по их просьбе тех или иных частей. Когда Антонов-Овсеенко прибыл в Путивль и встретил там Шарова, тот доложил, что в его распоряжении остаются два шестидюймовых орудия без лошадей и 45 штыков прикрытия, «остальные рассеялись». Шаров не был ни демагогом, ни алкоголиком. Просто возложенные полномочия и ответственность оказались ему не по плечу.

Пока на фронт ни прибыл Сиверс, из Курска непрерывным потоком шли жалобы на самоуправство Шарова и даже заявления о грабежах. В конце концов, Антонов-Овсеенко посчитал нужным расстаться с этим пользовавшимся поначалу его доверием человеком. 12(25) марта Шаров был отстранён от командования и отправлен для дальнейшей работы в Крым.

⁵⁴ Командовал отрядом Д.П. Жлоба.

мание вынужден был уделять совершенно иному противнику и иному театру военных действий, на который вскоре и убыл. Вот что он пишет: «В основном мы считали свою боевую задачу выполненной, оставалось закрепиться в жизненных районах Дона, Кубани, Северного Кавказа и добить отброшенного из них, деморализованного и лишённого источников снабжения и пополнения врага.

Эта задача представлялась уже второстепенной перед лицом тех событий, которые развёртывались по ожившему германо-австрийскому фронту».

8.3. БРЕСТСКИЙ МИР

8.3.1. Перемирие

Большевики⁵⁵, захватив в течение нескольких недель центральные районы страны и получив в распоряжение большую часть её материальных и людских ресурсов, казалось, не должны были испытывать проблем с упрочением своей власти. Объективно – всё, и даже время, было за них и на них работало.

Но люди всегда остаются людьми. И свершения их, пресловутый субъективный фактор на переломе истории могут при определённых обстоятельствах повлиять на её ход. Брест-Литовск явился первой серьёзной ошибкой советской дипломатии, которая в одночасье поставила под сомнение само существование с таким трудом завоёванного и только лишь создаваемого Советского государства. Подписание мира с немцами, которое должно было укрепить лидирующее положение большевистской партии, едва не обернулось для неё катастрофой.

Между тем, ничто, казалось, этого не предвещало. Сам приход «ленинцев» к власти обусловлен был, прежде всего, обещанием немедленного мира. Отказаться от его выполнения было равносильным политическому самоубийству. Симпатии многих миллионов людей в серых шинелях и с винтовками в руках, благодаря которым только и возможен был Октябрь, в одночасье сменились бы жесточайшим разочарованием. Все те

⁵⁵ До определённого времени – в союзе с левыми эсерами.

*Представители Центральных держав
(слева направо: М. Гофман, О. Чернин, М. Талаат-паша, Р. Кюльман)*

социальные группы, которые, рассчитывая на мир, пошли за большевиками, не получив его, немедленно бы от них отвернулись, а весьма вероятно, и смели.

Всё это предельно чётко осознавал Ленин. Гений этого человека заключался и в том, что в критические моменты он без раздумий отметал сомнительные постулаты и революционную фразу, умел смотреть на вещи трезво и действовал решительно и предельно прагматично. Краеугольным камнем его политики оставалась борьба за завоевание и расширение социальной базы. Массы в окопах, в деревнях, на заводах требовали мира. И Владимир Ильич куда лучше других понимал, что эти требования не могут быть проигнорированы. К тому же воевать в любом случае было уже невозможно. Армия находилась в завершающей стадии разложения. О масштабах его можно было лишь догадываться, но последующие события вскоре показали, что действительность превзошла самые худшие ожидания.

Но и немцы желали скорейшего мира⁵⁶. Если Германия и

⁵⁶ В Германии вместе с тем существовала и весьма влиятельная «военная» партия, возглавляемая самим Вильгельмом II. Её представители требовали уже летом 1917 г. коротким сокрушительным ударом разгромить Россию и

Турция ещё держались, то Австро-Венгрия находилась у последней черты. Терзаемая обострившимися противоречиями страна напрягала последние силы и стояла на пороге голода. Не многим лучше дела обстояли и в Болгарии.

Приход большевиков к власти в германском Генеральном штабе ожидали с нетерпением и надеждой. Ленин не был «немецким шпионом», просто интересы его и созданной им, рвущейся к власти партии совпали на определённом этапе мировой войны с тактическими задачами германского генералитета. Расчёт был прост. Заключить сепаратный мир с большевиками, перебросить на запад освободившиеся войска и последним отчаянным ударом решить исход войны в свою пользу. Другого шанса после вступления в войну Северо-Американских Соединённых Штатов у Центральных держав уже не было. И немцы это осознавали.

Вторым по счёту законодательным актом, принятым Советским правительством был «Декрет о мире», опубликованный 28 октября 1917 г.⁵⁷ В нём, в частности, декларировалось следующее:

«Рабочее и Крестьянское Правительство, созданное революцией 24–25 октября... предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром... правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира *полномочными собраниями народных представителей* всех стран и всех наций...

вывести её из войны. Всё же было очевидно, что подобные действия с неизбежным глубоким проникновением на территории Российской метрополии требовали привлечения огромного количества войск и чреватые были самыми непредсказуемыми последствиями.

⁵⁷ Первым был закон об учреждении Совета Народных Комиссаров.

Дом в Брест-Литовске, в котором проходили переговоры

...Правительство... торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира...

Тайную Дипломатию Правительство отменяет...

Правительство предлагает... немедленно заключить перемирие...

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, *Временное Рабочее* и *Крестьянское Правительство России* обращается также в особенности к сознательным рабочим трёх самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии.

...образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой в том, что рабочие названных стран...

всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения...»

Ответа на обращение Советского правительства не последовало. Положение большевиков, особенно в первые дни, не представлялось прочным. К тому же и Ставка подтверждала верность союзническим обязательствам. Однако в ночь на 9 ноября генерал Духонин был смещён с поста Верховного главнокомандующего Русской армии, и немцы посчитали, что ждать дальше нельзя.

Вновь назначенный на должность канцлера Гертлинг в своей речи в Рейхстаге высказался в том смысле, что предложения Советского правительства, как основа для начала общих переговоров о мире приемлемы. «Военная» партия вынуждена была уступить⁵⁸, и 14 ноября Германия заявила о своей готовности вести мирные переговоры. В этот же день Ленин от имени Совнаркома обратился с нотой к правительствам стран Согласия. В ней предлагалось присоединиться к Советскому правительству и приступить к мирным переговорам с Германией. При этом подчёркивалось, что если союзники не примкнут к переговорам, Советское правительство это не остановит.

Переговоры с Германией о перемирии начались 20 ноября 1917 г. в оккупированном немцами Брест-Литовске. Именно в этот день Ставка была занята, и большевики почувствовали себя куда увереннее. На первом заседании советская делегация предложила взять за основу соглашения «Декрет о мире». Представитель Германии генерал Гофман в ответ заявил, что не уполномочен вести переговоры о целях войны, и потребовал ограничиться лишь военной стороной перемирия. При этом он отметил, что поскольку русская делегация не имеет полномочий от Англии и Франции, то речь может идти только о сепаратном перемирии.

⁵⁸ «Нечего и говорить, – вспоминал Гинденбург, – что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властями Восточной России. Впрочем, тогда там всё так волновалось, что я лично не верил в длительное господство террора».

На следующем заседании 21 ноября советская делегация изложила свои условия:

- перемирие заключается сроком на 6 месяцев, при этом военные действия приостанавливаются на всех фронтах;
- немцы очищают Моонзундские острова и Ригу;
- запрещаются переброски немецких войск на Западный фронт⁵⁹.

При этом подчёркивалось, что речь идёт вовсе не о сепаратных соглашениях, а о прекращении войны в целом.

На это Гофман заявил, что такие условия могут предлагать только победители⁶⁰ и в свою очередь предложил перемирие, закрепляющее сложившееся на фронте положение.

Получив в ночь на 22 ноября приказ Совнаркома не подписывать перемирия, советская делегация на следующем заседании потребовала «ввиду выявившихся разногласий» перерыва переговоров. После недолгих колебаний немцы согласились на некоторые уступки. Создана была военная комиссия, которая предложила следующее:

- перемирие заключается сроком на 10 дней, с 24 ноября по 4 декабря;
- войска сохраняют занятые позиции, всяческие переброски войск, кроме *начатых*, прекращаются.

Соглашение было подписано, и советская делегация выехала в Петербург. 24 ноября Наркоминдел обратился к послам стран согласия с очередной нотой. В ней предлагалось незамедлительно присоединиться к мирным переговорам с Германией. Ответа не последовало.

2 декабря⁶¹ второй раунд переговоров завершился заключе-

⁵⁹ Как видно, Ленин вовсе не спешил рвать отношения с Антантой, и Совнарком, по крайней мере на словах, старался демонстрировать свою лояльность по отношению к бывшим союзникам. Если бы большевикам действительно удалось инициировать прекращение военных действий и возврат к границам 1914 г., они автоматически добились бы признания Советской власти и неизмеримо подняли свой авторитет в стране и в мире.

⁶⁰ «Достаточно, однако, взглянуть на карту, – добавил Гофман, – чтобы судить, кто является побеждённой стороной».

⁶¹ 29 ноября, до открытия конференции, во время одного из заседаний советской делегации, застрелился представитель Ставки полковник гене-

нием перемирия сроком на 28 дней. В случае разрыва стороны обязались уведомить противника за 7 дней до возобновления военных действий. Договорились, что начатые немцами переброски на Западный фронт производятся, но новые не допускаются⁶².

6 декабря Совнарком выступил с обращением «К трудящимся, угнетённым и обескровленным народам Европы», в котором сообщал, что в Брест-Литовске подписано перемирие, и этим

рального штаба В.Е. Скалон. «...работал он в разведывательном управлении, – писал о Скалоне назначивший его в группу военных советников М.Д. Бонч-Бруевич, – был серьёзным и отлично знающим военное дело офицером и с этой точки зрения имел безупречную репутацию... Причины его самоубийства остались неизвестными. Но, судя по рассказам очевидцев, на Скалона произвели удручающее впечатление заносчивые требования, да и само поведение германского командования. Конечно, этот ещё недавно блестящий гвардеец не мог видеть за начавшимися переговорами того, ради чего Ленин пошёл на этот шаг. Ему... казалось невыносимым оказаться в зависимости от опытных лёгкой победой прусских милитаристов, и без того грубых и высокомерных. Как и многие, он считал, что Россия повержена в прах...

Самоубийство Скалона, разумеется, ничего не изменило...»

Следует отметить, что существовало и иное объяснение происшедшего. Вот что пишет о самоубийстве Скалона заменивший его А.А. Самойло: «...в Брест руководить комиссией по перемирию приехал Скалон. Через два-три дня по приезде он собрал совещание с немцами о порядке перемирия. Затем, сославшись на то, что ему понадобилась какая-то карта, Скалон поднялся за ней в свою комнату и... назад не вернулся. Пришедшие за ним нашли его на полу мёртвым. Трагическое происшествие было совершенно определённым образом истолковано Гофманом, а, следовательно, и всеми немцами в Бресте. Менее ясным оно было для меня: мне представлялась необъяснимой фантазия моего Владимира Евстафьевича – выбрать такое место, время и даже момент для того, чтобы покончить счёты с «позором страны».

Найдя же среди бумаг Скалона, переданных мне вместе с комнатой, где он жил, письмо, полученное в день смерти от какого-то приятеля с сообщением о развратном поведении жены Скалона, из-за которой он столько выстрадал, я, конечно, остался при особом мнении относительно причины трагедии. Весь штаб фронта во главе с самим Леопольдом Баварским подчёркнуто торжественно похоронил бедного Скалона как павшего «жертвой позора» своей родины».

⁶² Большинство намеченных частей и соединений немцы начали перебрасывать до возобновления переговоров. «Поэтому, – писал Гофман, – я легко мог заверить русских в том, что во время перемирия никакие войска не будут вновь отправлены на запад, кроме тех частей, которые уже туда отозваны».

«Октябрьская революция в России открыла трудящимся всех стран путь к миру». Союзники вновь предупреждались, что, если они не примкнут к переговорам, Советское правительство вынуждено будет вести их самостоятельно⁶³.

8.3.2. Первый этап переговоров

В 16 часов 24 минуты 9 декабря в здании Офицерского собрания Брест-Литовска начались переговоры о мире. Принц Леопольд Баварский⁶⁴ открыл мирную конференцию, после чего покинул зал. Председательствовал на первом заседании глава германской делегации министр иностранных дел Р. фон Кюльман⁶⁵. За стол переговоров с советскими представителями⁶⁶ сели также австро-венгерская делегация во главе с министром иностранных дел графом О. Черниным, болгарская, возглавляемая министром юстиции Поповым, и турецкая с председателем Талаат-беєм.

Нет возможности подробно описывать все перипетии растянувшихся на многие недели переговоров. Но для понимания всех последующих событий основные моменты отразить необходимо⁶⁷.

⁶³ Антанта и на этот раз не ответила, и на то были веские причины. Перелом на основных фронтах едва лишь начинал обозначаться. Переговоры о мире в условиях оккупации противником значительной части своей территории неизбежно вели к серьёзным уступкам. О достижении главной цели войны: устранение или решающее ослабление Германии, как политического конкурента, не могло в этих условиях идти и речи. К тому же, садясь за стол переговоров, союзники не только признавали Советское правительство, но и вынуждены были закрыть глаза на его откровенно сепаратные, предварительно не согласованные действия.

⁶⁴ Номинальный Главнокомандующий Восточным фронтом.

⁶⁵ В дальнейшем представители участвующих в переговорах стран председательствовали попеременно.

⁶⁶ Возглавлял советскую делегацию большевик А.А. Иоффе. В состав её также входили Л.Б. Каменев, М.Н. Покровский, А.А. Биценко, секретарь – Л.М. Карахан, консультант – М.П. Павлович, военные консультанты – В. Альфатер, А. Самойло, В. Липский, И. Цеплит.

⁶⁷ К тому же не следует забывать, что подписание Брест-Литовского договора очень скоро и самым непосредственным образом повлияло на расстановку сил и ход событий на Дону.

Сразу же советская делегация заявила, что исходя из общих положений «Декрета о мире», предлагает принять за основу программу, декларирующую в частности, следующее:

- не допускаются никакие насильственные действия присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок;
- восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены;
- национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о присоединении к тому или иному государству, либо о создании собственного; при этом гарантируются права национальных меньшинств;
- ни одна из воюющих сторон не может быть принуждена к выплате контрибуций; выплаченные ранее суммы подлежат возврату; убытки частных лиц возмещаются из образуемого сторонами специального фонда;
- колониальные вопросы решаются на основании изложенных принципов.

По оглашении предложений советской делегации Кюльман попросил представить их в письменном виде и предложил объявить перерыв в работе конференции.

Выявились разногласия как между делегациями стран Четверного союза, так и между Кюльманом и Черниным с одной стороны, и Гофманом – с другой. С огромным трудом генерала удалось убедить в том, что принятие советских предложений не будет означать для немцев отказ от оккупированных Польши, Литвы и Курляндии, поскольку эти страны «уже отделились от России и вопрос о своём политическом статусе будут решать с Германией».

Только лишь вечером 12 декабря переговоры возобновились. Кюльман заявил следующее: «Делегации союзных держав исходят из ясно выраженной воли своих правительств и наро-